

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№39(329)
СЕНТЯБРЬ 2026

Бульварные Новости

ЖЕНА ГРОССМЕЙСТЕРА

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЗЛЕТ!

СТР.10-11

ПОДАРОК СУДЬБЫ ПО ИМЕНИ ИННА

Кипр накрыла песчаная буря. А у меня должен был состояться концерт. Я почему-то был уверен, что зрители не соберутся. Но люди пришли, что для такой погоды было не совсем обычно.

Но самым большим сюрпризом было появление в зале Инны Михайловны Чуриковой и Глеба Анатольевича Панфилова. Они, как оказалось, проводили на острове отпуск.

После концерта мы посидели в полупустом по случаю непогоды ресторанчике.

Этот вечер навсегда врезался в мою память.

Удивительно, но Инне Михайловне не надо было задавать вопросы, она все рассказывала сама, и перебивать ее абсолютно не хотелось.

Геннадий Норд

В сентябре 1943 года агроном Михаил Кузьмич Чуриков написал жене письмо с фронта. Просил ее, что если у них родится дочь, то пусть назовет ее Ириной.

Но Елизавета Захаровна подумала, что в деревне все ее будут звать Ариной. И дала дочке более изысканное имя — Инна.

Большую часть детства Инна провела у бабушки в подмосковной деревне Коренево. В этой деревне сейчас, кстати, стоит памятник ее киногероине Паше Строгановой.

Но разве тогда кто-то думал, что их Инна станет известной на всю страну артисткой?

Так уж вышло, что Елизавета Захаровна растила дочь одна. С мужем она развелась, когда Инна была совсем маленькой. Но никогда ни одного плохого слова о бывшем муже она дочери не сказала.

Елизавета Захаровна была сначала простым агрономом, потом доктором наук, работала в Тимирязевской академии и в Ботаническом саду МГУ. О цветах она знала все. Или почти все. Она хотела и дочь увлечь биологией, но та еще в школьные годы захотела стать актрисой.

В старших классах Инна играла в спектаклях молодежной студии театра имени Станиславского.

Сегодня можно над этим смеяться, но она не прошла вступительные экзамены в школу-студию МХАТ.

— На вступительных экзаменах в Школу-студию МХАТ экзаменатор глянул на меня и спросил:

— А знаете ли вы, кто есть Афродита?»

Я замотала головой.

— Это богиня красоты, — назидательно пояснил педагог. — Идите и посмотрите на себя в зеркало!

Я действительно зашла в туалет, посмотрела на себя в зеркало и расплакалась. Потом, еще раз всмотревшись в черты своего лица, сказала себе:

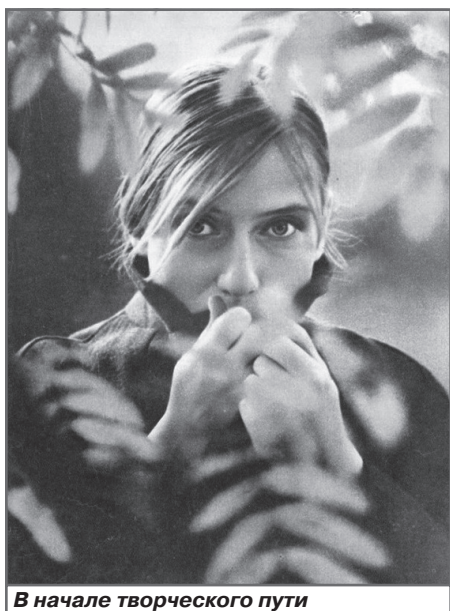
— У меня своеобразное, необычное лицо, и не каждый может его оценить.

В тот же год она попробовала поступить в Щукинское училище, но и там не прошла по конкурсу. Зато в Щепкинском театральном училище сразу смогли рассмотреть ее актерское дарование.

Елизавета Захаровна была горда дочкой. Только ее смутило, что она поступила в училище, а не в институт. Она сказала:

— Лучше бы он назывался Щепкинский театральный институт. Так солидней.

Впервые в кино Инна Чурикова снялась еще студенткой. В драме Василия Ор-

дынского «Тучи над Борском» она сыграла школьницу Райку.

В своем втором фильме «Я шагаю по Москве» ее фамилии не было даже в титрах. Никому тогда была неинтересна девушка, которая выиграла в конкурсе петуха в клетке.

После получения красного диплома Инна стала бегать по театрам, но везде отказывали. Многие режиссеры смущались ее нестандартной внешностью. Ей было больно, обидно, но она не опускала руки. Она верила в себя.

В 1965 она стала актрисой столичного ТЮЗа: баба Яга, зайчики, лисички...

Мама всегда поддерживала ее. Она приносила на ее спектакли цветы, отдавала другим зрителям. Их дарили Инне, а та догадывалась, что эти ландыши или астры принесла ее мамочка.

Елизавета Захаровна прожила 94 года. Она застала настоящую славу дочери, которой на сцену после спектакля приносили корзины самых шикарных цветов.

Но в середине шестидесятых годов до корзины с цветами было еще далеко. Хотя ей тогда казалось, что удача на ее стороне. Сразу столько ролей! Марфуша в «Морозко», Варвара в «Стряпухе», белокурая Жози в «Неуловимых мстителях», Нелли в «Старшей сестре».

А потом всё в ее жизни решил его величество случай. Как-то по телевидению показывали тюзовский спектакль, в котором играла Инна Чурикова. Его увидел начинающий режиссер Глеб Панфилов, который как раз искал для своего фильма «В огне брода нет» актрису на роль Тани Теткиной.

Глеб Панфилов:

— И вот однажды включил телевизор, и вдруг на экране появилось лицо девочки, танцующей с молодым человеком. Да вот же она, Таня Теткина! Передача кончилась, титров не было. Так и остался с этим впечатлением. Я в Свердловске, а передача из Москвы. Потом, чуть позже, дал друзьям в Ленинграде и Москве фотографии со своего рисунка и попросил поискать. Параллельно подбирал других исполнителей. Пригласил Ролана Быкова на роль комиссара. Он был занят своим «Айболитом» и отказался. Но сценарий ему понравился, и он заявил, что знает актрису, которая сыграет Таню Теткинину: это Лидия Чурикова из Московского ТЮЗа. Я немедленно отправил туда своего ассистента. Тот привез не Лидию, а Инну Чурикову. Помню, как сейчас, этот момент: захожу, сидит девушка, поворачивает голову — она! То самое лицо, из телевизора! Это были, прежде всего, глаза, их выражение. Я сразу почувствовал ее индивидуальность, талант. Это был подарок небес.

Он нашел ее. И сразу предложил главную роль. Она подумала, что это розы-

С Борисом Сичкиным в фильме «Неуловимые мстители» (1966)

В фильме «Старшая сестра» (1966)

грыш. Он увидел в ней то, что не увидели другие. Увидел и показал всем.

Он помог ей раскрыться, как солнечный луч помогает раскрыться весеннему цветку. Их профессиональный союз перерос в личный. Ей было 23 года, ему — 32.

Глеб Панфилов и Инна Чурикова стали супругами в 1970 году, а в 1978 году у них родился сын Иван.

Она снялась в десяти фильмах своего супруга. Лучшее ее никто и не смог бы сыграть эти роли.

После ее Тани Теткиной другие режиссеры стали «кусать локти»: как же мы просмотрели такую актрису?

Из театральных режиссеров расторопней всех оказался Марк Захаров.

Он пригласил Инну в свой Ленком в 1974 году. На сцене этого театра Инна Михайловна и играла до своих последних дней. Счастливы те, кто мог хоть разок видеть игру Чуриковой на сцене!

У Инны Михайловны не было ни одной проходной роли. Как трогательна ее Паша Строганова, как несчастна ее Васса Борисовна Железнова и наивна Вера Николаевна Нетужилина из «Военно-полевого романа». А как Инна Михайловна пела в «Курьере»! А какой просто фантастической она была в «Ширли-Мерли», в «Курочке Рябе», в «Плаще Казановы», в драме «Мать»!

Посмотрите фильм «Иван Денисович». В этом фильме Инна Михайловна сыграла свою последнюю роль в кино. Снял фильм и написал сценарий ее супруг Глеб Анатольевич Панфилов. Мировая премьера этой экранизации была в Локарно в августе 2021 года. Инна Михайловна и Глеб Анатольевич лично представляли фильм в Швейцарии. Потом еще путешествовали по Европе. Они были красивы, счастливы и, как молодожены, все время держались за руки.

Они были в том самом Локарно, в котором еще в далеком 1969 году их совместный первый фильм «В огне брода нет» получил Первый приз «Золотой леопард».

Можно написать десятки эпитетов, можно перечислить все ее звания и награды, все ее роли в театре и кино, а можно написать просто — Инна Чурикова. И сразу невольно улыбнешься. Потому, что любимая. Потому, что родная. Потому, что никогда не будет больше такой. Оттого и так больно, что она ушла...

А теперь пусть говорит Инна Михайловна:

— А вот портрет моей любимой Анны Маньяни. Я ее обожаю не за то, что она актриса, а за то, что она жила на сцене и в кадре. Живой, страдающий, интересный, уникальный человек. Когда появляется такой человек на сцене или экране, то можно только удивляться.

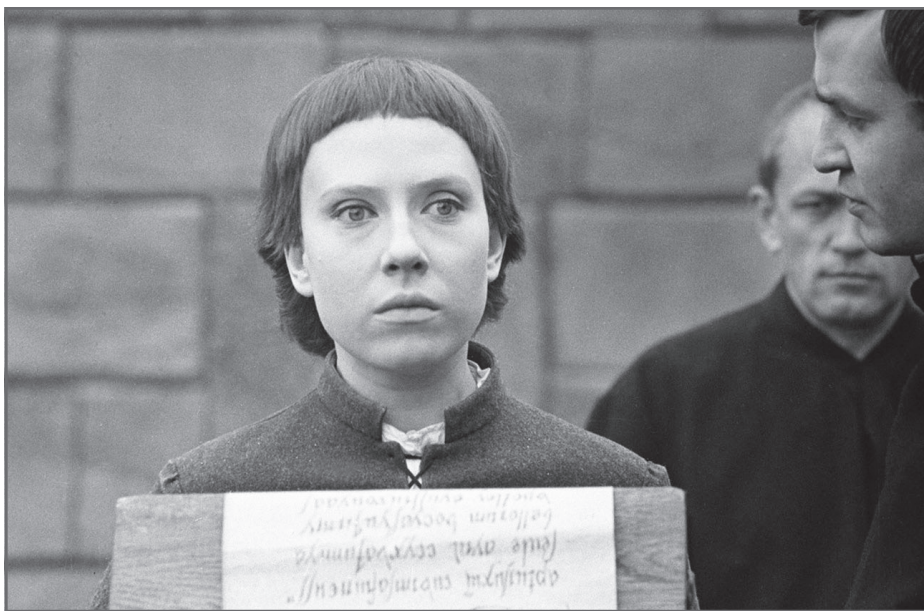
Я ее очень люблю, но никогда не думала, чтобы ей в чем-то подражать. Просто она меня потрясла, потрясла ее работа в театре, я ее видела в Москве, в Малом театре. Помню, что стоя смотрела тот спектакль, мест не было.

Поразила пауза, которую выдерживала Анна Маньяни, длинная, но какая мощная. Это может позволить себе только великая актриса. Она паузой говорила больше, чем текстом.

Трудно ли держать паузу? Я никогда не думала об этом. Я держу, это внутренняя способность. Словами не передать, где ты берешь то понимание масштаба и грани. Пауза рождается внутри тебя,

С Михаилом Коноваловым в фильме «В огне брода нет» (1967)

В фильме «Начало» (1970)

В фильме «Тот самый Мюнхгаузен» (1979)

причем, на каждом спектакле по-разному.

И в жизни приходится порой брать паузы по разным поводам. Они нужны для меня, потому что иногда надо помолчать. Надо обдумать. Часто бывает так, что нельзя сразу реагировать. Надо досчитать до десяти, если это конфликт. Хлопать дверью, выбегать — этого никогда не нужно делать. Лучше немного помолчи, а потом возвращайся.

Эмоции — наша слабость, а не сила. Не поверишь, но я не умею обижаться. Я через три дня вообще забываю, о чем речь шла. Просто надо уметь отличать подлость от эмоций.

Меня больше всего в людях восхищает талант. И кто бы он ни был, и как бы это ни было, но когда я вижу талантливого человека, у меня нет чувства ревности. Только восхищение! Но скажу честно, таланта истинного вижу не много. Сейчас как кино снимают? Все молодые, все красивые. Любит, не любит, ушел, пришел, снова ушел. И месяцами, годами показывают одно и то же. Такое впечатление, что по телевизору, на всех каналах, идет какой-то многолетний сериал.

Дар — такое тончайшее состояние, его сохранить очень трудно. Можно сыграть вначале что-то замечательное, интересное, а потом по разным причинам так уже не получается.

Как сохранить? Трудно. Думаю, надо жить с интересом, даже к тем людям, с которыми ты не знаком. Почему Анна Маньяни была гениальна? Да потому, что она талантлива в жизни, она очень индивидуальна. И молодая, и в зрелые годы она играла блистательно, потому что у нее такое сердце, глубокое и видящее.

Я помню, мы были в Италии, встречались с каким-то итальянским чиновником от кино. Я спрашиваю:

— Как живет Анна Маньяни? Что она сейчас делает?

И он так цинично сказал:

— Пишет дневники, наверное.

Он меня просто обидел, он подчеркнул, что она вышла в тираж, по его неумному мнению.

Из наших актрис на одну ступеньку с Анной Маньяни поставлю Нонну Мордюкову, она была гениальная актриса. В ней была такая мощь, она была земля и небо, в ней был космос и глубь морская. Она могла быть ужасно смешной и могла быть трагической до мороза по коже. И нигде она не играла, а везде жила.

Во мне очень многое, если не все, от корней, от земли. Родилась я в Башкирском городке Белебее, оттуда меня мама на руках увезла. Я там больше никогда не была. Никогда.

Потом была деревня Напольная, в которую меня мамочка отправила к бабушке в Рязанскую область. Невероятно, но весь этот дух деревни во мне остался. Я спала на русской печке.

Мама приехала за мной:

— А где Инночка?

Бабушка отвечает:

— Она спит.

Мама меня будит:

— Дочка, дочка...

Я открываю глаза, она говорит:

— Здравствуй, дочка.

Я ее спрашиваю:

— А ты кто?

Помню это так, как будто было вчера.

Окончание на с.6

В фильме «Военно-полевой роман» (1983)

В фильме «Ширли-мырли» (1995)

Окончание. Начало на с.5

Мама меня рожала долго, мучилась несколько часов. Когда мама по стеночке, чуть живая зашла в палату, то на вопросы, что так долго, она через силу ответила:

— Я же вам сказала, что буду рожать королеву, я ее родила.

Это мне мама рассказала давным-давно.

Большая часть детства прошла в селе Коренево, что в Подмоскowie, у другой бабушки. Кстати, несколько лет назад там поставили памятник моей героине Паше Строгановой из фильма «Начало». Это как-то необычно для меня. Да, необычно, но не более.

Где я подсматриваю своих героинь? Я просто очень внимательно читаю пьесу. Ну, где я могу английскую королеву подсмотреть? Смотрю много фильмов о ней. Хронику смотрю и понимаю, что она обыкновенный человек. Это такое редкое и такое полезное качество для монарха — оставаться обыкновенным человеком.

Королева Англии Елизавета II — она королева в воспитании, в окружении, в церемонии. А в остальном человек. Обыкновенный. Как-то мой муж Глеб Панфилов показал фотографию, где она стоит, как моя мама старенькая, в платочке, в куртке и резиновых сапогах. Но и в той простоте было видно огромное достоинство. Она как-то сказала Тэтчер:

— Не все вам под стать, госпожа премьер-министр, не у всех такие замечательные качества и не у всех такая сила воли. Я же должна думать и о других. О тех из нас, кто просто обычный. Кто должен дважды прочесть текст, прежде чем понять. И я такая же, как они. По-вашему, я размазня?

Вот такой я ее и показала в спектакле «Аудиенция».

Актерская индивидуальность? Я не знаю, откуда она, не могу тебе сказать. Очень многое зависит от режиссера. Если режиссер чувствует артистку, то это уже совместное дело, у меня-то совместное дело с Глебом Панфиловым, потому что Глеб увидел, что я не только смешная, не только баба Яга, которую я играла в ТЮЗе, а и что-то другое могу.

Мне, например, в ТЮЗе давали роль купчихи вот с та-а-акой грудью. Или роль свиньи. Помню, на распределении ролей написано было — «Свинья — Чурикова».

Я пошла к режиссеру и говорю:

— Пожалуйста, я вас очень прошу, не назначайте меня на эту роль, я не хочу играть свинью, я вас умоляю, не надо.

И что он делает, как ты думаешь? Он встает на колени и говорит:

— Никто так талантливо Свинью не сыграет, как ты.

И я поняла, что мне никуда не деться, ведь я только-только пришла в театр.

Вообще, если бы мне Глеб не встретился, то у меня была бы другая актерская жизнь. Не знаю, какая, но другая точно.

Знаешь, в жизни все цепляется одно за другое. Я сыграла роль в картине «Начало», ее посмотрел Марк Анатольевич Захаров, который пригласил меня в «Ленком», где я работаю до сих пор. Мне никогда не хотелось уйти из моего театра. Никогда! Были сложные моменты, паузы в работе были, но уйти не хотелось.

В театре есть талантливые люди, которые годами унизили играют в масовке, а я вижу, что он может сделать большое и настоящее, но ему не дают. И человек терпит, сгорает годами, но из театра не уходит. Боится потерять и этот заработок. Кто может, бежит на телевидение, там за яркую пустоту часто платят хорошие деньги. Подгибаешься под этот мир, а он такой изменчивый, что ужас охватывает.

Я не нахожу себе места, честно, когда обо мне говорят «великая». Я же знаю, что это не так, что ко мне это не имеет ни малейшего отношения. Я просто нормальная артистка. Звание? Мне проще, когда объявляют просто Инной Чуриковой, хотя понимаю, что звание народной артистки Советского Союза сегодня не девальвируется. Нас ведь все меньше и меньше становится.

От советской жизни очень хорошо запомнила глагол «достать». Голодуха была. У нас в театре раз в неделю профком закупал какое-то мясо, и мы в очереди стояли за этим. Более того, я должна была в нашем магазинчике покупать по паспорту. Прописку проверяли.

У меня была знакомая Алла Михайловна, я к ней ходила на рынок, она там заведовала каким-то отделом. Она любила матерок, крепкая была женщина. Очень сострадательная. Она могла бы ни с кем из нас не общаться, к ней же вся милиция и все начальство в очереди стояли. Как-то звонит она мне:

— Инна, как ты?

Я говорю:

— Да ничего, все нормально.

— Инна, у тебя есть что поесть?

На международном кинофестивале в Венеции. Сзади по центру — Глеб Панфилов

Я говорю:

— Ну, есть некоторые проблемы.

Она:

— Я в том-то гастрономе, приезжай.

Но та жизнь вспоминается сегодня как роскошь по одной простой причине. Поэтому что мы были молоды. А молодость — она все перешибает.

Я не могу сказать, что я с интернетом на «ты». Какие-то вещи, которые я не могу понять, спрашиваю сына, а он говорит:

— Мама, это же так просто.

Вот электронную почту не освоила, письма пишу от руки.

Про Инну Чурикову никогда в интернете не читаю, мне это не интересно.

Мне не хочется уходить из театра, хотя я пенсионерка. Когда мне исполнилось пятьдесят пять, раздался первый звонок — из отдела кадров:

— Инна Михайловна, у вас же сегодня юбилей.

Я говорю:

— Да.

— Это Света, я вам должна сказать, что отныне вы пенсионерка.

Это первое, что мне было сказано в тот день. Я говорю:

— Спасибо, Света, это что, поздравление?

Она говорит:

— Да.

Запомнила этот звонок на всю жизнь. Поэтому иногда думаю, а не позвонит ли мне еще какая-нибудь Света и не предложит на пенсию.

Я еще очень хочу сыграть роль, чтобы была какая-то современная история. Обязательно комедийная.

Еще я бы с удовольствием поехала бы по миру. Но некогда, вот ведь какая работа. Некогда остановиться. Как остановиться, а кормить, кто будет? У нас с Глебом дом большой, мы его строили пять лет, его же содержать надо.

Сколько у меня пенсия? Слава Богу, не знаю, она у меня копится на книжку, я потом ее снимаю, и она у меня быстро заканчивается. Думаю, что тысяч двадцать будет, а может и поменьше. Слава Богу, я пока еще зарабатываю.

Спорят ли еще два художника под одной крышей? Спорим, иногда ведь по-разному же думаешь. По-молодости кровь кипела сильнее, споры были чаще.

Для меня очень важен Глеб, потому что ему как художнику, когда я с ним работаю, очень верю. Он не подставит меня, он родной. И более того — он так глубоко копает, так глубоко!

С годами думается как-то больше. Вот и про смерть иногда думаю. Понимаю, что это неизбежно и что чудес не бывает. Хотя говорят, что в Америке ученые уже открыли какие-то таблетки долголетия, еще что-то, потому что по Библии люди жили 130 лет.

Я хочу жить. Но мысли о смерти приходят, когда теряешь близких людей. Когда Вера Глаголева умерла, я в ужасе была. Молодая, талантливая, красивая.

Мои партнеры ушли — Олег Янковский, Саша Абдулов. Колечка Караченцов.

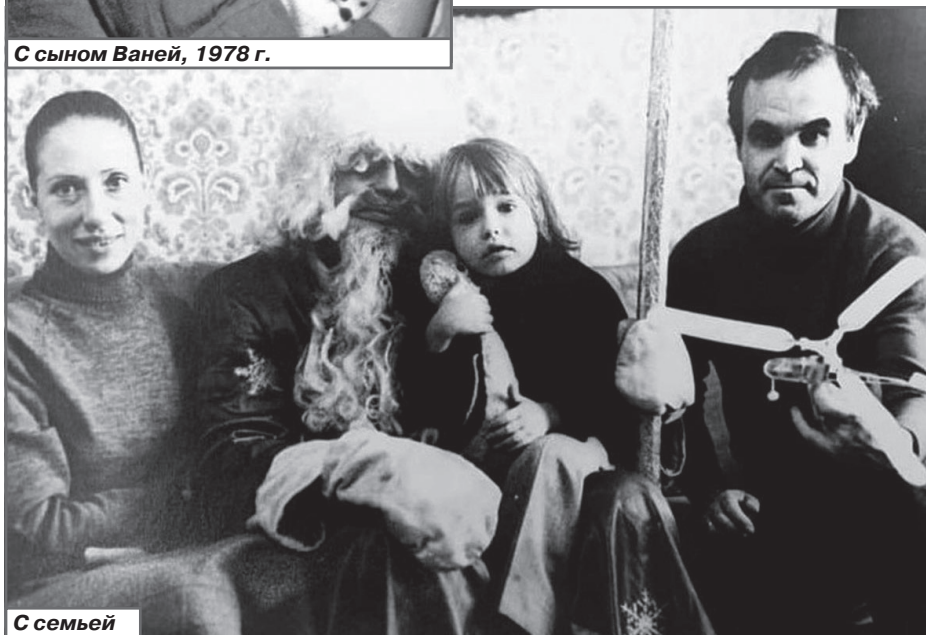
Тяжело всё это, потому что это очень близкие люди. Когда ты делаешь спектакль, ты соединяешься своей собственной жизнью со всеми, кто рядом с тобой, поэтому я очень люблю своих партнеров. Правда, иногда могу сделать замечание молодым ребятам, но очень деликатно. Всегда спрашиваю:

С сыном Ваней, 1978 г.

С мужем Глебом Панфиловым

С семьей

С Марком Захаровым и Всеволодом Ларионовым на репетиции в театре Ленком

— Хочешь, чтобы я тебе что-то сказала? И говорю только после разрешения. Я хочу, чтобы у меня было равное партнерство на сцене со всеми. С молодежью в первую очередь. Хороший партнер — это счастье.

Армен Джигарханян — гениальный был партнер — он всегда слушал так, как будто этот текст слышит в первый раз в жизни. Внимательнейшим образом. Часто встречаю людей, которые существуют только в себе. Больше того, когда ты говоришь монолог, он отдыхает. Ему надо немножечко перевести дыхание, чуть-чуть отдохнуть, чтобы дальше. А Джигарханян напитывается твоим монологом и идет дальше. Кто его так воспитывал или он сам так созрел, не знаю.

Трудно ли принять возраст? Конечно, непросто, хочется же выглядеть хорошо. Бывает, что утром смотришь на себя в зеркало, а радости мало. Но есть какие-то ухищрения, которыми женщины пользуются и о которых мужчинам знать необязательно.

Есть женщины, которые, старея, хотят разбить все зеркала на свете. Тут все очень индивидуально. Всё дело в глубине ума. Фаина Георгиевна Раневская, думаю, никогда не хотела их бить. Она была очаровательна. Я с ней общалась, дружила. Она сама начала нашу дружбу, посмотрела картину «Начало» и стала звонить. Она была непостижимо хороша везде. Она была невероятно талантлива. А сколько в ней было иронии, юмора!

Фаина Георгиевна была умная. Более того, она была одновременно честная, требовательная и наивная. Мне кажется, она была в жизни всегда удивлена окружающему миру. Сегодня про нее сочиняют целые книги, там все вранье. Но были гениальные вещи. У нее собака была по кличке Мальчик, дворянинчик, на маленьких ножках, шерсть длинная, и он ею всегда пол подметал. Сварливый был до безобразия. Мы сидим, разговариваем, она у окна, я спиной к Мальчику. Мальчик вытянул лапы, положил голову и смотрит на свою Фаину. Тихо так, не гавкает. Она мне говорит:

— Посмотрите на него, он мне напоминает молодого Горького на Капри.

Мой стиль? Не знаю. Я же на себя со стороны не смотрю. Мне нравится шляпа. Мне нравится какой-то определенный стиль. И я как бы себя слушаю. Я думаю, что некое понимание стиля все-таки с годами пришло. Во-первых, мы все жили очень скромно. Равенство нищих. Женщины душились, прости за это слово, пахли одними духами. Французские духи тоже одни и те же продавали у нас. Помню, были духи «Клима», они мне очень нравились.

А «Красная Москва» — это запах моей мамочки. Этот аромат и сегодня волнует меня.

Мама — это, практически, моя жизнь. Я с ней себя чувствовала сильной. Ее уход — потеря невозвратная. Это невозможно, бывают минуты, когда я понимаю, что только с мамой я могла бы вынести что-то. Или поделиться, что только она могла бы за меня так порадоваться. Вот какие-то такие вещи, которые я, может быть, и не понимала, когда она была жива. У

меня квартира, в которой мамочка жила, и я не могу с ней ничего делать, не могу расстаться. Там живет женщина, которая была няней у мамы.

И деньги нужны, а продать не могу. Там запах мамы, там ее атмосфера осталась.

Ты мне всё про королей сценических, а я полжизни прожила в нищете. Моих друзей Томочку Дегтяреву и Сашу Косарева взяли в ТЮЗ, им 75 рублей в месяц зарплату положили. Я прихожу к директору, сидит Михаил Михайлович и говорит:

— Я поздравляю, мы взяли вас. Будете получать ставку суфлера — 45 рублей.

У меня так сердце раз — и упало. Я смотрю на него и говорю:

— Ну, что же, я очень рада была с вами познакомиться. Всего доброго.

Он мне:

— Вы куда?

— Домой.

И пошла. И уже когда я открывала дверь, он сказал:

— Ну, ладно, ладно, 75.

Вот так жили.

Знаешь, это был редчайший случай, чтобы я так себя повела. Меня легко обмануть, я очень доверчива. Но обмануть можно только один раз.

Впрочем, меня редко обманывали. Мне кажется, жизнь меня баловала хорошими людьми.

Инна Чурикова родилась 5 октября 1943 года, народная артистка СССР, обладательница «Серебряного медведя» Берлинского кинофестиваля за лучшую женскую роль, лауреат двух Госпремий. Снялась более, чем в семидесяти фильмах.

Умерла 14 января 2023 года в возрасте 79 лет.

Глеб Анатольевич Панфилов пережил ее на девять месяцев...

В роли королевы Елизаветы II в спектакле «Ауденция»

Памятник Паше Строгановой из фильма «Начало» на родине актрисы в Коренево

Инна Чурикова